

Лу Хэн возражал против этого.

"Я понимаю ваши добрые намерения и чувствую вашу искренность, но не превратит ли это племя Минуо в вассала Великого Чжоу, если мы станем вашим новым вождем? Мы же граждане Великой Чжоу, в конце концов. Мы друзья и братья, так что это то, что я никогда не смогу сделать с Минуо. Наша дружба может охватывать поколения, и мы можем поддерживать и помогать друг другу, но вы двое - настоящие хозяева племени. Я уверен, что ваши небесные родители согласятся с таким решением".

Его слова весьма тронули толпу, в то время как Харбхара и Каганбара слезливо смотрели на мысли о своих умерших родителях. Но решение было решением, а не тем, к чему они могли вернуться. Это был вопрос принципа и достоинства.

Цинь Инин была полностью потеряна из-за стремительного темпа их слов. Если бы они говорили чуть медленнее, она могла бы понять несколько простых слов и сделать несколько догадок.

Когда Лу Хэн обсуждал с Цинь Ининем его испытание мыслями, она согласилась с его решением. В конце концов, они были иностранцами, и, учитывая уроки, извлеченные из "Лазурного правосудия", она уже не смела с легкостью захватить какую-либо организацию. Еще большая опасность была связана с прибылью.

"Сейчас не время обсуждать это. Нужно подумать о том, как выбраться. Солдаты пришли сегодня на поиски, а это значит, что у Сикин теперь достаточно свободного времени. В следующий раз, когда будут полномасштабные поиски, мы не сможем так просто уйти, и Минуо тоже будет втянут в это дело. Тем более пугающим является то, что последствия будут катастрофическими, если племя станет мишенью".

Лу Хэн кивнул хмурым голосом. "Это правда. Проблема в том, что солдаты будут у нас на хвосте даже после того, как мы выберемся из города". Нам будет нелегко добраться до границы между Великим Чжоу и татаром."

Принцесса-супруга поредела. "Должны ли мы снова войти в пустыню?"

Лу Хэн не смог подавить трепет, который прошел через него, когда думал о трудностях, которые им пришлось пережить по дороге сюда. Но при дальнейшем рассмотрении, если бы они действительно выбрались из Ханбалика, невозможно было бы оставить никаких следов. Они были против ума Сикина и предсказаний Прорицателя. За ними бы обязательно послали большое количество солдат. Их бы легко поймали, если бы они застряли на официальной дороге.

С другой стороны, если бы они отважились в пустыню с достаточной подготовкой, это значительно повысило бы их шансы на побег. С наступлением холодов любой поход по пустыне будет чреват трудностями и опасностями. Их подготовка должна быть всесторонней.

Лу Хэн сжал губы и решил продолжить обсуждение с двумя братьями, которые, услышав предложение, нахмурились. Однако они также согласились с тем, что если они выберутся из города, то пустыня будет их самым большим помощником в побеге.

"Так как это так, то давайте займёмся делом". Завтра я уеду из города и спокойно свяжусь с жителями племени снаружи. Я спрошу, готовы ли они мигрировать с нами. Как только мы покинем Ханбалик и доберемся до границы, на большой территории будет мало людей. Мы как-нибудь сможем выжить. Нам нужно полностью подготовиться, если мы хотим попасть в пустыню", - сказал Каганбхара.

Харбхара яростно хмурилась. "Это достаточно просто, но как мы вытащим вас, ребята, без того, чтобы кто-нибудь узнал?"

Цинь Инь затанула свои бледные губы и на мгновение задумалась. "Мы создадим отвлекающий маневр."

Лу Хэн кивнул с улыбкой. "Великие умы думают одинаково".

.....

Похороны позднего хана были грандиозными и торжественными, но в то же время довольно грубыми из-за того, насколько неожиданными они были. Царская семья татарина была сильно разрушена еще во времена, когда Анари был регентом, и теперь в ней вообще не было живого члена. В сочетании с доброжелательной и доблестной репутацией Сикина, чиновники единогласно проголосовали за то, чтобы он занял трон.

После короткого подготовительного периода и торжественной церемонии коронации Сыкину не пришлось много делать для консолидации остальной татарской политической власти. В первую очередь, он твёрдо ухватился за военную власть.

Его первым актом после вступления на престол было присвоение титула "Цзянань". Поскольку его фамилия была Уткин, его называли Хан Уткин. Так было названо в его первом официальном заявлении, в котором он поклялся отомстить Анари и повелел всему народу быть начеку за ее убийц. Он также послал официальное осуждение Великому Чжоу, злобно упрекнув народ в убийстве Анари и заявив, что цена должна быть заплачена кровью.

Огонь ярости и ненависти тщательно раздулся, народ мрачно пообещал отомстить за своего позднего хана и огромную признательность за милосердную политику хана Уткина. Народ был так же един, как никогда прежде, и все пели хвалу своему благородному и могущественному хану.

После очередного дня народного поклонения и благосклонности Сикын получил сообщение около сумерков. Его люди прислали сообщение о том, что Цинь Инин и Лу Хэн уже окружили

их помещения. Новый правитель Татар немедленно отдал приказ: "Пусть они вернутся живыми". Этот хан прикажет им умереть от тысячи порезов, чтобы утешить душу Анари на небесах!".

"Понял!" Его человек повернулся к выходу, когда Сикин возразил: "Подождите, этот хан сам уйдет!"

Он переоделся в лёгкие одежды и вместе со своими людьми быстро добрался до того места, где они были. Все его стражники и последователи были безмолвно тронуты великой любовью их хана к покойному Анари.

Они приехали в неведомую резиденцию в южной части города. Увидев, что в доме были только его люди, и все огни погасли, Сикин чихнул и пнул свою лошадь вперёд.

"Выведите их внутрь."

"Понял!" Подразделение мужчин прыгнуло вперёд с огромным усилием и врезалось в дом. Вскоре после этого прозвучал женский крик, и две фигуры были вытолкнуты во двор, покрытый лунным светом.

После долгих переездов с места на место, хотя можно было просто разглядеть, что их одежда сделана из тончайших шелков, все было порвано и запятнано, и даже волосы уложены в постель, завязанный узлами беспорядок.

Сицинь кричал на языке Великого Чжоу: "Второй Мастер Лу, этот хан думал, что с тобой можно дружить, и очень тебе доверял". Кто бы мог подумать, что ты будешь неблагодарным и неблагодарным, если обманешь нас ради женщины! Ты такое разочарование".

Лу Хенг опустил голову и слегка покачался. Сикин сузил глаза, почувствовав, что что-то не так. Он спрыгнул с лошади и побежал вперед, чтобы схватить горстку волос принцессы-супруги, в результате чего на его лице появилась женщина средних лет, покрытая шрамами.

Ненависть пылала в ее глазах, она вытащила кинжал, спрятанный в рукавах, и ударила его ножом вниз.

Впав в ярость, Сикин сразу понял, что попался в ловушку. Он жестоко выгнал в грудь женщины, обрушив его, прежде чем кинжал коснулся его кожи. Она вылетела на шесть метров, изрыгая кровь, прежде чем упасть замертво.

Дрожь Лу Хена стала еще более выраженной, и он упал на землю. Сикин поднял его за воротник и обнаружил, что мужчине около шестидесяти лет, и он ослеп на один глаз.

"Ты, племя Минуо! Быстрее, немедленно отправьте людей к городским воротам!"

"Понял!" Его последователи бежали к четырём городским воротам, как будто за ними охотились дикие звери.

Пришло время закрыть ворота, и дежурная стража не заметила ничего необычного за весь день. Они не помнили, кто входил или выходил, и отныне могли только решиться быть еще строже.

Сикин отдал еще один приказ, когда услышал отчет. "Отправляйтесь в лагерь Минуо за пределами Ханбалика и арестуйте их всех!"

<http://tl.rulate.ru/book/13071/1034754>